

Виктор Гоголев

Повесть о настоящем Капитане или обратная сторона
звезды

16+

Виктор Иванович Гоголев
Повесть о настоящем Капитане,
или Обратная сторона Звезды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45134205

SelfPub; 2019

Аннотация

Книга о людях, посвятивших себя морю, вернее, о бытовой стороне жизни на судне в течение многомесячных рейсов.

Повесть о настоящем Капитане, или обратная сторона Звезды

Нельзя сказать, что Анатолий Иванович был законченным мизантропом или, того хуже, безжалостным кровопивцем, использовавшим кости коллег и подчиненных, как подручный строительный материал для возведения своей карьерной лестницы. Отнюдь, поскольку ничто человеческое и ему было не чуждо... Но и от приступов чрезмерного альтруизма он тоже не страдал, и когда время от времени возникали щекотливые ситуация, требовавшая определенного выбора, или же проявления известной деликатности, Анатолий Иванович практически никогда не принимал решений, последствия которых могли хоть как-то негативно сказаться на его собственной судьбе. Пик его карьерного роста пришелся на 70 годы прошлого столетия, а в те времена готовность и умения докладывать «куда нужно» о всех событиях, имевших место быть в повседневной жизни экипажа, ценились существующей системой ничуть не меньше, чем наличие глубоких профессиональных знаний и выдающихся рабочих навыков. И зачастую служили пропуском в элитный клуб для избранных, получивших допуск к работе на судах заграничного плавания. А значит – открывал таинственную и возделенную дверцу в иной мир: мир безраздельного господства всех известных людских пороков, духовных изъянов, плотских страстей, кричащей рекламы, беспорядка, нищеты,

попрания всех мыслимых свобод и человеческого достоинства! Поэтому, чтоб хоть изредка иметь возможность наслаждаться его вопиющими контрастами, замирая от восторга, полной грудью вдохнуть чудовищную вонь его разложения, воочию лицезреть многочисленные свидетельства его противоречий, вновь и вновь ощутить его тлетворное влияние на себе, иной раз нужно было усердно поработать локтями! Единожды вкусив запретные плоды Запада, Анатолий Иванович теперь всячески стремился доказать свою лояльность системе, чтоб не отказывать себе в удовольствии на регулярной основе лицезреть мнимые ценности Забугорья! Способы и методы, которые он для этого использовал, довольно часто оказывались крайне далеки от джентльменских. Скорей всего, именно за это, подчиненные за глаза, а коллеги иной раз и в открытую, ласково и добросердечно называли его «наш Чудак». Справедливости ради нужно отметить, что иногда, будучи предметом обсуждения третьими лицами, первая буква его прозвища самым волшебным образом менялась с Ч на М. Сильно сомневаюсь, что сие прозвище доводило Анатолия Ивановича до сексуального экстаза, но виду он не подавал, марку держал, всячески демонстрируя, что к нему это не очень благозвучное прозвище не имеет ровно никакого отношения. Да и кроме того, намного чаще его звали просто – ТоляВаня, на что он снисходительно отзывался. Как и всякого представителя нашей нелегкой профессии, безвозвратно отдавшему морю большую часть прожитых лет, капи-

танская судьба безжалостно швыряла Анатолия Ивановича по просторам мирового океана: от величественно- бескрайних льдов седой Арктики до полыхающих яркими красками знойных тропических островов, и, полагаю, будь у него на то хоть малейшее желание, он вполне мог бы изложить на бумаге не один интересный очерк об увиденном и пережитом. Но насколько нам известно, в литературе Анатолий Иванович себя опробовать не решился, посему попробуем поделиться за него кое-какими интересными фактами, имевшими место быть за время его работы на танкерах одной небезызвестной Судоходной Компании. Хотя, вполне может статься, что это всего лишь – обычные морские байки, а личность Анатолия Ивановича- просто собирательный образ. А если кому и впрямь покажется, что описываемые события происходили в реальности, и даже более того- он сам был их непосредственным участником, то это не более чем его собственная точка зрения, на которую он конечно же имеет безусловное право. И ничего больше. Итак, начнём.

Тяжелая лоцпроводка.

Судно шло из Хьюстона в Квебек. Дело было зимой, и Залив Святого Лаврентия был практически полностью покрыт хоть и однолетним, но достаточно сплоченным и тяжелым льдом. До подхода на Лэс Эскоминс (точка приема Лоцмана в западной части Святого Лаврентия), как и положено капитану, Анатолий Иванович подготовил судовую штурман-

скую службу к лоцманской проводке во льдах. Вот как это выглядело по его понятию о должном положении вещей. Все своих рутинные ежедневные дела и оставшиеся обязанности, которые до той поры он еще не успел распределить среди своих помощников, Анатолий Иванович раскидал в равной степени среди штурманов. В первую очередь заполнение форм, отчетов, ежедневных многочисленных докладов, и разнообразных рапортов. Нужно сказать, что к тому времени ненасытное Чудовище под названием МКУБ (Международный Кодекс Управления Безопасности Мореплавания), лишь зародилось и только начинало проявлять свои бешенные аппетиты, но объем бумажной работы свалившихся на головы штурманов уже тогда был настолько громаден, что поражал воображение несведущего человека. Впрочем, многочисленные формы испокон века отравляли жизнь Капитану и штурманам, поскольку отнимали львиную долю их свободного времени. Иными словами, Анатолий Иванович ничтоже сумнявшися распределил весь немалый объём рутинной Капитанской работы среди штурманов на время прохождения Святого Лаврентия, а сам же фундаментально угнезвился на ходовом мостике в целях непрерывного контроля за окружающей обстановкой, и, как он сам выразился – усиления ходовой вахты. Надо понимать, что особой радости эти революционные новшества у штурманов отнюдь не вызвали, а скорей- наоборот. В первую очередь, ввиду того прискорбного факта, что дополнительная нагрузка по за-

полнению Капитанских бумаг никоим образом не снимала с них обязанностей и ответственности по своевременному ведению своих собственных многочисленных форм и отчетов. Ну и наличие Капитана на мостике, когда навигационная обстановка того не требует, что ни говори – всегда дополнительный стресс для вахтенного штурмана. В те времена дисциплина на флоте была не в пример нынешней: вахтенный штурман в присутствии Капитана лишний раз не осмеливался не то что в кресло сесть, но и не мог подолгу находиться в штурманской рубке даже по служебной необходимости: наблюдение, наблюдение и еще раз – наблюдение! Не открою большого секрета, если скажу, что повседневные отношения Капитана и его Помощников насквозь пропитаны глубоким эротизмом, в иносказательном смысле конечно-же! И при этом штурманам априори определена отнюдь не активная роль в этом повседневном процессе; где основополагающими факторами являются темперамент Капитана, его житейски- философское понимание должного положения вещей в этом мире, а также степени его озлобленности на окружающих, приобретенной за долгие годы карабканья по служебной лестнице! Впрочем, опять же ничего нового я не отметил, подобные отношения между начальником и подчинёнными можно наблюдать повсеместно, с той лишь разницей, что на судне люди порой вынуждены общаться друг с другом 24 часа в сутки, на протяжении многих месяцев. Покажите мне штурмана, который не считает своего Масте-

ра конченным маразматиком, полным кретином и ретроградом, отравляющим ему жизнь одним лишь своим присутствием! При этом будучи глубоко уверенным в том, что уж он- то сам, надев, наконец, заветный капитанский мундир, все расставит на свои места, и его помощники будут абсолютно справедливо боготворить его до беспамятства за мудрое, справедливое и, главное, профессионально – грамотное поставленное руководство! Однако эти розовые слюни и по-детски наивные мечты исчезают бесследно, когда по прошествии положенного времени, преодолев все промежуточные ступени, набив массу шишек, ободрав до костей колени и локти, а также многократно потеряв девственность, штурману удастся-таки наконец взгромоздиться на вожделенный трон Капитанской Власти... И некогда ярый поборник всеобщей справедливости и равноправия, беспристрастно взирающий на мир сквозь призму человеколюбия, со временем превращается в злобное, кровожадное чудовище, с садистским наслаждением повседневно гнобящее своих подчиненных почем зря и по любому поводу, а зачастую и без такового вообще; лишь чтоб боялись и уважали! Увы, эта истина стара как сам мир; сперва человек создает систему, а потом уже система трансформирует человека, безжалостно уродуя и подстраивая его под себя. Как весьма метко написал Александр Покровский (кстати, рекомендую всем, кто еще не читал!): «Молодой Офицер, это как моллюск без раковины: либо она у него отрастает, либо он погибает!» Такой вот пороч-

ный и безысходный круг.... Не берусь биться об заклад, но по моим многолетним наблюдениям, принципиальные особенности восхождение по иерархической лестнице служебного роста механиков мало чем отличается от вышеописанного! В целом же, взаимоотношения Анатолия Ивановича и его Помощников вполне можно емко отразить всего лишь одной фразой: «Ненависть штурманов является лучшим вознаграждением для Капитана, прямым подтверждением его профессионального мастерства и финансовому поощрению не подлежит!» Как говорится, все включено в оклад... Поднявшись на ходовой мостик в первый же день прохождения этого сложного участка пути, Анатолий Иванович обосновался здесь самым решительным образом. Выглядело это приблизительно так. ТоляВаня прихватил с собой потертый овчинный тулуп, с которым он не расставался даже в тропиках, и с ходу приземлившись на единственный имевшийся на мостике диван, укрылся с головой заветным тулупом и тут же заснул. Из-под поношенной дерюги лишь торчали голые желтые ступни с давно нестриженными когтями устрашающих размеров, да в дырявую прореху кокетливо выглядывал краешек донельзя застиранной майки неопределенного цвета. Нужно заметить, что Анатолий Иванович особо никогда не заморачивался по поводу своего внешнего вида. Человеку непосвященному в душераздирающие тонкости и таинственные реалии повседневного морского быта, волею судьбы вдруг оказавшемуся на судне во время океанского пере-

хода, вряд ли бы могла даже прийти в голову дикая мысль, что этот скверно пахнувший, одутловатый гуманоид неопределенного возраста, с кустистой растительностью, густо торчащей из ноздрей, ушей и подмышек, может быть Капитаном Дальнего Плавания весьма солидной Судоходной Компании. Очевидно в целях экономии, ТоляВаня, практически на протяжении всего контракта был бессменно облачен в застиранную до предела майку-алкоголичку и классические совдеповские треники с вытянутыми коленками, рельефно облегавшие свисающее хозяйство внушительных размеров! Чистить зубы и бриться Анатолий Иванович очевидно считал абсолютно глупым и нецелесообразным занятием, но перед приходом в порт, непосредственно перед тем, как показаться местным Властям, он все же вынужден был соскабливать клочкасто-серую щетину, неравномерно кустившуюся на щеках и на всех имеющихся в наличии подбородках. Надо полагать, что осознание того бесспорного факта, что Капитан, как ни крути, все же является представителем Компании и Государства, под чьим Флагом работает вверенное ему судно, вынуждало его время от времени совершать поступки противные его естеству. Поудобней угнездив мощное гузно на страдальчески заскрипевшем диване и укрывшись тулупом, Анатолий Иванович немного поерзал, утробно зевнул и тут же заснул. О том, что ТоляВаня спит на мостике, моментально узнал весь экипаж, причем вездесущее беспроводное радио, а тем более оповещение экипажа по громкой

связи было совсем ни к чему. Храп стоял такой, что находиться к его источнику ближе 5-6 метров было небезопасно, вырабатываемые децибелы просто зашкаливали и могли запросто повредить барабанные перепонки. Судовые жилые помещения, увы, никогда не отличались хорошей звукоизоляцией, и порой даже звук катающегося на качке небольшого предмета на верхней палубе или на мостике мешают заснуть. Мирно почивавший в это время в своей каюте после ночной вахты второй помощник в ужасе подскочил в койке, мгновенно проснувшись от страшных звуков, доносившихся с палубы выше, лишь как только Анатолий Иванович принялся рьяно и со знанием дела осуществлять обещанное усиление ходовой вахты на мостике. Кошмар насильственного пробуждения усиливался еще и тем фактом, что вечером перед сном Ревизор (2 Помощник) смотрел знаменитую комедию «Полосатый Рейс», и ему всю ночь, по его же уверению, снились злобные хищники, которые кровожадно облизываясь коварно подкрадывались к дверям его каюты! Все двое суток, что судно шло во льдах до Лэс Эскоминса, Анатолий Иванович продолжал активно руководить штурманской службой на мостике, не сходя с дивана. Ввиду чрезвычайной занятости он даже не ходил на обед, который буфетчице приходилось ему приносить на мостик. Сделав короткий перерыв для того, что проглотить, как собака- не жуя, котлету и залпом выпить стакан компота, Анатолий Иванович валился как сноп на диван под свой драный тулуп, и переборки мо-

стика вновь начинали сотрясаться и вибрировать от его жуткого храпа. Само собой, все это время штурмана были вынуждены наслаждаться его дивными руладами находясь на вахте в одном с ним помещении, что вкупе с необходимостью заполнять за него многочисленные формы, которые он переложил на их плечи на время прохождения Залива Святого Лаврентия, реально доводило их до иступления! Никогда еще неподдельно-искренняя любовь подчиненных к Анатолию Ивановичу не достигала таких заоблачных высот! Время движется неумолимо, и судно в конце концов подошло в точку приема лоцмана. Несмотря на все старания вахтенного Штурмана, разбудить Анатолия Ивановича удалось лишь только тогда, когда лоцманский катер стоял уже под бортом. Поднявшийся на мостик канадский лоцман, долго с недоверчивым подозрением рассматривал странного заспанного типа с мутными глазами и явственным запахом недельных носков изо рта: «Экскюз ми, Сё, а Ю риалли зи Кэптен?» Анатолий Иванович, который к тому же весьма скверно мог общаться по-английски, с трудом уловил, о чем же его спрашивает Лоцман, но на всякий случай с готовностью закивал головой. К чести штурманов, говоривших по-английски не в пример лучше своего патрона, они, проявив корпоративную солидарность и заступившись за Анатолия Ивановича, объяснили Лоцману, что непрезентабельный вид Капитана вызван его страшной усталостью. Уже три дня (подумать только!) Капитан находится на мостике не смыкая глаз, самоот-

верженно управляя судном и маневрируя во льдах. Вскоре недоверчивое удивление Лоцмана улеглось, и он даже слегка проникся сочувствием к уставшему Анатолию Ивановичу. Занялись наконец обычной рутинной работой. Все формальности были улажены, документы подписаны и лоцпроводка началась. Нужно сказать, что ввиду откровенно паршивого знания английского языка, руководство Компании всегда назначало в экипаж к Анатолию Ивановичу достаточно опытного Старпома с хорошим владением английского. Которому же и приходилось быть при капитане переводчиком, секретарем, а зачастую и принимать все необходимые решения, если того незамедлительно требовала ситуация, при общении с иностранной клиентурой. Вот и в этот раз Старпом подписал все необходимые бумаги с Лоцманом, оговорил с оным важные детали предстоящего перехода и взялся за ручку телеграфа. Мягко шурша раздвигаемыми льдинами, танкер плавно, но уверенно начал набирать ход, двигаясь по направлению к Квебеку- конечной цели запланированного маршрута. Появившаяся ощутимая вибрация говорила о том, что двигатель вводят в ходовой режим, что обычно делалось при переходе на длинные расстояния. Анатолий Иванович, видя, что его присутствие на мостике, мягко говоря, по сути ничего не решает, но в то же время верный принципам капитанского долга, не осмеливался открыто уйти с боевого поста. В своих знаменитых трениках и майке, вежливо дыша гнилыми зубами канадцу в ухо, он подобострастно

топтался рядом с переговаривающимися Старпомом и лоцманом. Возможно из-за сразу же возникшей неприязни, а может чисто из уважения к смертельно уставшему Капитану, лоцман вскоре вежливо предложил Анатолию Ивановичу немного отдохнуть, пока судно не пришло в Квебек, а это были по меньшей мере еще почти сутки. ТоляВаня, абсолютно неожиданно для всех вдруг продемонстрировал совсем недурное знание языка, моментально уловил суть сказанного и тут же, кряхтя и почесываясь, залез под свой реликтовый тулуп. Раздавшиеся могучие звуки храпа вскорости наполнили все пространство ходового мостика, возвестив всем, кто был на тут же мостике (да и не только) что Анатолий Иванович соизволяют почивать! Прошел обед, дело шло к ужину, как известно на флоте промежутки между приемами пищи- основа для измерения времени. Анатолий Иванович продолжал активно восстанавливать силы, сотрясая рычащими децибелами надстройку. Даже ангельское терпение не в меру толерантного Лоцмана, очевидно начало сдавать, уступив место сперва чисто человеческому любопытству, а потом уже и плохо скрываемому раздражению. Несколько раз он подымался с кресла и поглядывая в сторону извергающего страшные звуки бесформенного существа укрытого драной овчиной, сочувственно кивал головой и жалостливо бормотал себе под нос: «Бедный, бедный Капитан, надо же, как сильно устал!» Принесли ужин на мостик, обычная морская традиция, когда на судне находится лоцман. Едва лишь

лоцман принялся за говяжий стейк, как на мостике вдруг воцарилась противоестественная тишина: Анатолий Иванович внезапно прекратил храпеть!!! Ситуация была столь необычной, что в этой неожиданно наступившей тишине, Старпом, который был вынужден все это время бессменно находиться на мостике, беспокойно подумал: «Господи, неужто подход наконец?!» Внезапно раздавшийся следом отчётливый и весьма характерный звук, совсем не похожий на храп, поверг всех, кто был на мостике в шок, но недвусмысленно дал понять, что Анатолий Иванович жив и здоров, более того — отдельные его жизненно важные органы функционируют весьма агрессивно! Звук этот напоминал натужный треск раздираемой парусины и серию гулких хлопков одновременно. Шибанувшая в нос вслед за этим тяжкая волна едкой вони, рассеяла любые сомнения в характере и возможной природе его происхождения! После чего, душка Анатолий Иванович умиротворенно хрюкнул, перевернулся на другой бок и вновь захрапел с удвоенной силой. Потрясенный до глубины души лоцман выронил вилку из рук, недоеденный истекающий соком кусок говядины вывалился у него изо рта, и смачно шлепнулся на палубу, разбрызгивая во все стороны розовую горячую жидкость. Оставшиеся несколько часов до Квебека лоцман больше не проронил ни слова, наотрез отказавшись от предложенного раннего завтрака. Насупившись, он просидел все время в кресле совсем близко к двери мостика открытой на палубу, хоть мороз стоял градусов 25! И

лишь ограничился бутылкой воды, которую сам же и принес на судно. Видимо специфическое амбре в соответствующем звуковом сопровождении время от времени явственно доносившиеся с дивана, где отдыхал от трудов праведных уставший донельзя ТоляВаня, отнюдь не способствовало его аппетиту. Непосредственно перед приходом в порт, штурманам не без труда удалось вызволить Анатолия Ивановича из летаргического сна, самым беспардонным образом прервав его несколько затянувшееся, но, очевидно, весьма увлекательное путешествие по загадочной стране Бога Морфея. Само собой, сия поучительная история стала достоянием всей Компании в тот же день; в век тотального обмена информации это было сделать до смешного просто! Долго еще Коллеги подкалывали Анатолия Ивановича по этому поводу, на что он всегда с невозмутимым видом отвечал: «А вы себя контролируете, когда спите?» Судя по всему, он считал это объяснение исчерпывающим.

Чендж, или Душка Анатолий Иванович

По выходу из Квебека Анатолий Иванович попытался окончательно закрепить свои временно порученные дела и обязанности за своими Помощниками. Но, как известно, всему бывает свой предел, наступил таковой и терпению штурманов, которые наотрез отказались выполнять за Капитана всю его работу, совершенно справедливо расценив это уже как откровенную наглость с его стороны. Товарно-ры-

ночные отношения к тому времени уже затронули и флот, и даже последний практикант имел на руках подписанный контракт, где достаточно доходчиво были расписаны все его права и обязанности. Не имея ни малейшей возможности официально наказать откровенно пославших его в хорошо известном направлении штурманов, Анатолий Иванович тихой списал их с, мягко говоря, не очень хорошими характеристиками, одного за другим. Ко всем своим имевшимся выдающимся качествам, нужно заметить, что разлюбивший дружище Анатолий Иванович был до крайности мелочен, склочен, мстителен и никогда никому ничего не прощал. В этом же рейсе, хорошее знание английского языка Старшим Помощником сыграло с ним злую шутку самым неожиданным образом. При выходе из порта, он, как всегда беседовал с лоцманом, в то время как Анатолий Иванович, ни бельмеса, не понимая в их разговоре, тем не менее бдительно контролировал ситуацию со спины. Лоцман вскоре выразил недовольство качеством работы радара, и попросил сменить шкалу дальности. Коротко ответив: «ОК», Чиф протянул руку к переключателю, но вдруг с удивлением обнаружил, что неслышно подкравшийся сзади КоляВаня, цепко, словно краб добычу, держит его за кисть. «А ну ка, отойдем в сторону!» – потребовал ставший вдруг странно подозрительным Анатолий Иванович. Ну хорошо, пожал плечами Старпом, после чего они отошли в угол мостка. Ничего пока еще не понимающий, смертельно уставший, как это

обычно бывает при выходе из порта после грузовых операций, Чиф, давно привыкший к причудам Капитана- самодура, терпеливо ждал от него объяснений. «А ну ка, быстро признавайтесь, что вы только что хотели поменять лоцману, быстро, кому говорю!!!» Абсолютно очумевший от такого неожиданного обвинения Старпом, пытался хоть что- то сообразить, совершенно не понимая, какой проступок ему инкриминируют. «Последний раз говорю, признавайтесь, или пожалеете, мать- перемать, раз-этак и раз-так, мохнатую вашу задницу!» – злобно шипел КоляВаня, страшно озверев лицом от переполнявшего его гнева. Когда Чиф наконец вышел из ступора, и способность говорить к нему вернулась, он поинтересовался, чем же вызваны столь странные подозрения Анатолия Ивановича, ведь он всего лишь, следуя просьбе Лоцмана, хотел поменять шкалу радара! «Не врите и даже не пытайтесь засрать мне мозг, я отчетливо слышал слово ЧЕЙНДЖ!!!»-, с победоносным видом швырнул своего главного козыря сверхбдительный ТоляВаня. Надо сказать, что английское слово ЧЕНДЖ тогда прочно вошло в лексикон российских моряков: в иностранных портах на берег с судна перли и меняли все подряд на любое заграничное барахло, от жвачки до колготок. Что греха таить, с судов, да и не только, во все времена волокли все, что плохо лежит. Как нравоучительно увещевал один знакомый токарь высшей категории подавшийся в моря за длинным рублем, а вернее- долларом: «Тащи с завода каждый гвоздь, ты здесь

хозяин, а не гость»! За неимением валюты, судовое имущество служило отличной разменной монетой в заграничных портах для приобретения всякой мелочевки, особенно в эпоху повального дефицита любого ширпотреба на Родине. Не брезговал этим доморощенным бизнесом и сам Анатолий Иванович, который к тому времени уже успел вынести с судна все мало-мальски ценные предметы интерьера своей каюты, кают компании, камбуза и столовой. Сложные хитросплетения английских слов и выражений были неподвластны ему, тем не менее, он в достаточной мере овладел скудным словарным запасом необходимым для успешного ведения бартера. При всем этом Анатолий Иванович крайне ревностно следил за подчиненными, на корню пресекая даже малейшие попытки что-либо вынести с судна без его на то ведома и согласия. Что положено Юпитеру, не позволено Быку... «Я не позволю грабить молодое, развивающееся Пароходство!» напыщенно разглагольствовал он на судовых собраниях, во время разбора очередного случая, когда на одном из судов Компании удавалось уцепить кого-нибудь за жабры с поличным. Когда до Старпома наконец дошло, что же Капитан ему вменяет в вину, то долго скапливаемая в душе лава неприязни, переходящей временами в откровенную ненависть, прорвала тонкую оболочку терпения и сорвав предохранительный клапан благоразумия, обильно хлынула наружу. Разразившись отборным русским матом, он от души послал Анатолия Ивановича самой дальней дорогой в причинное место,

и отказавшись далее выполнять за него лоцманскую проводку он с грохотом скатился с мостика, напоследок так громко хлопнув дверью, что затряслись переборки. К счастью, 2 помощник, чья вахта уже закончилась, пока еще не успел уйти с мостика, вот ему и пришлось исполнять роль подневольного переводчика при бдительном ТоляВане. После этого случая, Старпом, который давно ожидал повышения и уже готовился принять под свое командование другое судно по завершению этого рейса, был наказан и списан с танкера за какое-то надуманное дисциплинарное нарушение задолго до окончания срока своего контракта. Как следствие, перспектива его Капитанства абсолютно неожиданно для всех отодвинулась на неопределенный срок.

Справедливости ради нужно все же заметить, что вышеизложенная история имела несколько неожиданное, но, по сути, вполне закономерное продолжение. Как пророчески подметил знаменитый отечественный бард- «Ничто на земле не проходит бесследно».

Аллея Мужества

Большим океанским судам неуютно в стесненных водах портовых гаваней. Привыкшие к необозримым морским просторам, стальные гиганты скованно и некомфортно чувствуют себя в прибрежной тесноте и мелководье одетых в бетон портовых заливов и бухт, как правило до отказа забитых

другими судами всевозможных размеров и назначений. А также, словно пересохшая лужа головастиками, узкие акватории портов всегда кишат разнообразной зловредной плавающей мелочью, беспорядочно снующей во всех направлениях. В любом порту мира, москитному флоту свойственна отвратительнейшая особенность – назойливо и нагло путаться под ногами своих более представительных собратьев, без тени страха быть раздавленными, и без проявления даже малейшего уважения к их размерам и мощи. Именно поэтому, кроме прочих многочисленных причин о которых стоит поговорить отдельно, каждый заход в порт для Капитана всегда является сильнейшим стрессом, добавляющим седины в голове и морщин на лице. Осторожно пробираясь сквозь скопления суетливой мелюзги, под неусыпным контролем буксиров, намертво вцепившихся, словно матерые бульдоги в нос и корму, усталый бродяга танкер медленно продвигался к конечной цели своего путешествия- местному Судоремонтному заводу. Облезлые борта, помятый корпус с рельефно обтянутыми, словно худые ребра старческой кожей, шпангоутами, нездоровый стук клапанов донельзя изношенного двигателя; даже беглого взгляда было достаточно для опытного моряка, чтоб понять, что ремонт утомлённому океанскому труженику просто необходим. И вот, наконец, бездонное чрево плавучего дока аккуратно всосало в себя непривычно высоко сидящий над водой корпус пустого танкера, тяжелые створки доковых ворот плавно затворились за кор-

мой, словно двери больничной палаты, заботливо принявшей в свои покои очередного пациента, остро нуждающегося в уходе и лечении. Закончился и этот контракт, и Анатолий Иванович готовился убыть в свой очередной долгожданный отпуск. Погожим весенним днем, пребывая в эйфорическом расположении духа, ТоляВаня бодренько направлялся в Город, плавно помахивая в такт своих шагов потертым чемоданчиком типа «дипломат» и вскоре миновал проходную Судоремонтного Завода. Кейс, в котором обычно кроме пачки дешевых сигарет и очков в потертом футляре ничего не бывало, в этот раз был под завязку забит разноцветной импортной канцелярией. В последнем порту захода Страны Восходящего Солнца, грузополучатель в качестве благодарности за доставленный без потерь груз, презентовал Помощникам целый ящик прекрасной японской канцелярии: ручки, карандаши, ластики, степлеры и прочие приятные штурманскому сердцу и действительно нужные в повседневной работе мелочи, чем вызвал у Офицеров бурный всплеск положительных эмоций. Увы, радость их была весьма скоротечной, поскольку КоляВаня, со свойственной ему в подобных ситуациях бескомпромиссностью, тут же наложил вето на расходование этого разноцветного великолепия. А так же свою волосатую лапу с кривыми подагрическими пальцами и неровно обгрызенными ногтями обрамленными траурной каймой, как всегда обосновав свои действия лишь одним железным аргументом - «Я никому не позволю грабить моло-

дое Пароходство!» После чего милостиво выдал штурманам 2 черных ручки для заполнения судового журнала. И теперь все эти симпатичные штучки туго распирали дипломат жизнерадостно направляющегося к дому Анатолия Ивановича. Нужно сказать, что определенный отрезок дороги на подступах к проходной Завода пользовался недоброй славой среди всех моряков Компании. Это был мрачный, неосвещенный участок пути, расположенный в сырой низине среди деревьев, абсолютно не просматриваемый с оживленной городской трассы, проходящей выше. Идеальное место для засады! Не один засидевшийся в недалеко расположенном популярном ресторане «Океан» морячок, в ночное время бредущий к проходной СРЗ будучи в подпитии, расстался здесь со всей наличкой, а также с модными заграничными шмотками и содержимым сумок. Местная гопота отлично знала, что с подгулявшего одинокого маримана, направлявшегося вечером к проходной СРЗ, можно снять массу полезных вещей, пользующихся повышенным спросом на вещевом рынке, особенно если судно, находящееся сейчас в заводе, только что вернулось из заграничного рейса! И никогда не упускала случая подкараулить какого-нибудь припозднившегося бедолагу в этом злосчастном месте, чтоб безнаказанно вывернуть его карманы, а заодно от души навешать ему трендюлей! Поэтому ночью мало кто отважился пройтись по этой жутковатой тропинке в одиночку, без реального риска хорошенько получить по мордасам! Но если же кто-то на

своей страх и риск преодолевал эти несколько сот метров в темное время суток, да ещё и в одиночку, то наградой ему было искреннее уважение друзей за проявленный героизм. Именно по этой причине, сие недоброе место издавна было известно среди моряков, как «Аллея Мужества». Но стоял не по-весеннему теплый солнечный день, природа активно просыпалась после зимней спячки; ручейки талой воды весело журчали в придорожной канаве, птички звонко щебетали в ветвях деревьев, тихий ветерок ласково щекотал лысину и в кои-то веки побритые пухленькие щечки Анатолия Ивановича. Нужно заметить, что брился ТоляВаня исключительно безопасной бритвой отечественного производства лохматого 1974 года выпуска, оснащенной знаменитыми некогда лезвиями «Нева». Судя по всему, запасы лезвий остались у него еще со времен тотального дефицита, когда все, что появлялось на прилавках тут же сметалось осатаневшими гражданами для запасания впрок, а тратиться на новомодные бритвенные принадлежности он считал непозволительным расточительством. Буфетчица- татарка, ежедневно посещавшая его каюту для уборки, и отлично знавшая, что находится у него в туалетном шкафчике, давно уже вложила в уши всему Пароходству эту интересную деталь. Буфетчица ходила с ним в море уже не первый год, поэтому испытывала к нему не менее добросердечные чувства, чем все остальные члены экипажа. За долгие месяцы совместной работы, ей до малейших подробностей стали известны все пристрастия, причу-

ды и повседневные привычки Анатолия Ивановича. Экипажи в те времена редко менялись, и люди работали вместе на одном судне на протяжении многих лет, за которые порой узнавали друг о друге больше, чем прожившие вместе не одно десятилетие супруги. Ведь, как известно, у судна борта стальные, да вот переборки между каютами – стеклянные.... Впрочем, буфетчица вполне могла насочинять бог весть что про ТоляВаню, имея лишь цель в очередной раз нагадить на его репутацию, и без того заметно отдающую тухлым духом, явно движимая злобной женской мстью, хотя сама она была готова поклясться на Коране, что говорит чистую правду. Весь экипаж был прекрасно осведомлен, что ее ежедневные визиты в капитанскую каюту совершались не только лишь с целью уборки помещения. Харрасмент на флоте в те благословенные времена цвел пышным цветом, был делом вполне обыденным, никто еще даже и не пытался с ним бороться. По неписанным законам Капитан имел право застолбить Буфетчицу для своего пользования, предоставляя возможность другим членам экипажа разобрать оставшихся девиц из обслуживающего персонала в соответствии с судовым табелем о рангах. Буфетчица, изначально положившая глаз на чернявого моториста, этим негласным положением устава была страшно не довольна, но ее мнение по этому поводу было последним пунктом в списке вопросов, в принципе интересовавших Анатолия Ивановича на тот момент. Страстное желание работать на хорошем судне, ходить за границу и

зарабатывать хоть какую-то валюту, чтоб получить возможность вырваться наконец из своей татарской тьму- таракани, не оставляло ей никакого выбора и вынуждало систематически отрабатывать барщину, усердно ублажая ТоляВаню по первому же его зову. Правда качество любовных утех, опять же согласно ее презрительных откровений, желало быть много лучше. Суровая восточная женщина, воспитанная в каком-то занюханном ауле в полном соответствии с положениями ортодоксального ислама, на протяжении долгих месяцев она была вынуждена регулярно купировать Анатолию Ивановичу спонтанные приступы хронического спермотоксикоза, которым он издавна страдал, и который, как известно, резко обостряется в длительных рейсах. С великим трудом сдерживая растущее день ото дня навязчивое желание нарушить один из основных постулатов любой религии «Не убий!», и не имея фактической возможности радикально изменить старую флотскую традицию, озлобленная до предела жрица подневольной любви не упускала ни малейшей возможности, чтоб не напакостить ему, и не обляпать очередной порцией грязи и без того не очень светлый образ своего Капитана, с садистским наслаждением распространяя про него всевозможные сплетни, и регулярно выставляя на всеобщий показ его грязное белье. Именно поэтому вся подноготная из повседневной жизни Анатолия Ивановича, немедленно становилась достоянием общественности, со всеми интимными подробностями и пикантными деталями. Общественность,

во все времена обожающая слухи и небылицы, со своей стороны чрезвычайно высоко ценила и всячески поощряла ее откровения, хоть иной раз и граничившие с рамками элементарного приличия. Впрочем, справедливости ради нужно заметить, что не только буфетчица, но и все остальные члены судебного обслуживающего персонала терпеть не могли Анатолия Ивановича за его постоянные придирки, и старались ему нагадить, где только было можно. Причем, как доносила молва, судовая повариха делала это не только лишь в иносказательном смысле, особенно когда в дневном меню присутствовало его любимое блюдо- гороховое пюре.... Но мы отвлеклись. ТоляВаня бодро вышагивал по аллее, наслаждаясь каждой секундой наконец-то наступившего желанного отпуска. И тем более было для него неожиданно, когда 2 здоровенных мордovorота облаченных в широкие штаны и наимоднейшие кожаные куртки, выскочив из придорожных кустов, без предъявления какого-либо ультиматума, принялись сноровисто и деловито выколачивали пыль из пиджака и штанов Нашего Чудака, видно по запарке забыв предварительно вынуть из одежды его самого. На всем протяжении недолгой, но эффектной экзекуции, невольные свидетели не без явного удовольствия созерцали, как качки с мастеровито обрабатывают беднягу Анатолия Ивановича. Под градом ударов, он мученически воздевал глаза к небу, и пронзительно визжал самым возмутительным образом, словно свинья под ножом мясника, напрочь отринув остатки своего ка-

питанского достоинства. Мужественная попытка защититься «дипломатом» от щедро сыплющаяся на него оплеух и затрещин закончилась совсем уж плачевно для ТоляВани: кейс был выхвачен у него мощной тренированной рукой, и в следующую же секунду гулко обрушился на его же лысый череп. Старенький Дипломат развалился на 2 части, и вся разнокалиберная импортная канцелярия испуганной разноцветной стайкой разлетелась в разные стороны. В сутолоке продолжающегося мордобоя, хрупкие ручки и карандаши тут же оказалась безжалостно растоптаны и раздавлены. Сам же ТоляВаня, потеряв равновесие, как куль завалился в придорожный куст высоко задрав ноги. Тут же сменившие тактику агрессоры, на удивление слаженно захороводились вокруг лежащего Анатолия Ивановича, и ритмично хекая, принялись усердно трамбовать его многострадальный ливер и прочие потроха своими устрашающего вида говнодавами, перепачканными жирной весенней грязью. Случайные зрители в основе своей были моряками этой же Судоходной Компании, и по известным причинам не особо жаловали Анатолия Ивановича. Да и времена были чрезвычайно веселые; на дворе стояли печально известные 90 годы, поэтому никто из столпившихся зевак, жадно глазающих на бесплатное представление, и не подумал броситься самоотверженно защищать ТолюВаню от щедро сыплющихся на него увесистых затрещин и пинков. Закончив показательные выступления, гопники, напоследок назидательно лягнув по разику

Анатолия Ивановича в увесистое брюхо, сноровисто взбежали по крутому косогору вверх, прыгнули в стоявшую неподалеку неприметную машину без номеров и бесследно растворились в плотном городском потоке подержанных японских автомобилей. Убедившись, что самое худшее уже миновало, и никто его больше не собирается валтузить, крепко отметеленный ТоляВаня поднялся с земли, затравленно дыша и обильно пуская розовые пузыри из расквашенного носа. Осторожно ощупав основательно отбитые причиндалы, и удостоверившись, что все находится на своих местах, он с горестными причитаниями принялся собирать дрожащими руками рассыпавшееся содержимое своего дипломата, вернее то, что все же умудрилось уцелеть. В голове, не понять почему, крутилась четверостишие из дурацкой поэмы, некогда сочиненной от нечего делать одним из штурманов во время затянувшейся якорной стоянки на портовом рейде:

Опечалилась юная Лада, почему-то пропало либидо,
И под вопли ревущей ламбады, вкралась в нежную душу
обида.

Таинственных мордобойцев, столь профессионально отделавших ТолюВаню, что называется – под орех, так и не нашли, да скорей всего – и не искали по-настоящему, хоть он и провел следующие два дня безвылазно в ближайшем отделении Милиции, доведя до истерики дежурного лейтенан-

та своими плаксивыми жалобами. Впрочем, ходили слухи, что доведенная до крайней степени озлобления, Буфетчица не поскупилась пожертвовать своей двухмесячной валютной выручкой, и заплатила местным бандюкам, чтоб они хорошенько отмудохали Анатолия Ивановича, что те не без удовольствия и выполнили самым что ни на есть добросовестным образом. Согласно же другой версии, Старпом, карьеру которого ТоляВаня столь безжалостно растоптал, вполне мог к этому приложить свою руку. И то и другое бело недоказуемо, поэтому так и осталось всего лишь на уровне слухов. Но долго еще, словивший знатных люлей ТоляВаня искренне радовал жителей своего района живописной синевой под заплывшим глазом, расплюснутыми губами и скорбным выражением основательно помятой физиономии.

Шерше Ля Фам (часть первая, вступительная)

Как уже можно было понять из содержания предыдущих глав, отношения с прекрасным полом занимало в жизни Анатолия Ивановича далеко не самое последнее место. Нужно сказать, что не всегда он был непривлекательным, неопрятным мужчиной, одетым в черт знает какое тряпье, и абсолютно равнодушным к своему облику в глазах окружающих. В начальный период своих зрелых лет, лишь став Капитаном, он все еще являл собой довольно интересного внешне мужа, этакий статный, голубоглазый идалго, на котором невольно останавливался заинтересованный взгляд

даже таких сверхизбалованных постоянным мужским вниманием представительниц прекрасного пола, как судовой обслуживающий персонал. Не открою Америку, если скажу, что в основном женщины идут работать на флот не для романтики (ха-ха-ха!!), а однозначно для поисков спутника жизни. Увы, тот прискорбный факт, что в те годы среди экипажа в 25 -30 человек редко бывало больше 4-5 женщин, неизбежно рождало нездоровую конкуренцию среди соскучившихся по элементарной женской ласке двух с половиной десятков нормальных, здоровых парней. Наличие стройной фигурки и смазливового личика конечно же приветствовалось, но не являлось критическим критерием выбора потенциальной дамы сердца. Как говорится, не до жиру... Именно поэтому, девушки, которые на суше в повседневной жизни не могли похвастать обилием почитателей в силу своей, мягко говоря, неброской внешности, попав на флот моментально превращались в цариц и королев красоты, перед которыми ежедневно преклонялись и распростирались ниц многочисленные поклонники, жаждущие завоевать расположение дамы сердца. А говоря простым языком, страстно желающие как можно скорей залезть к ним в койку, дабы стравить давление внутреннего пара прессующего уши, и достигающего к концу третьего месяца плавания уже критических значений. Женщины по природе своей более функциональны, чем мужики и быстрее приспосабливаются к любым условиям внешней среды чисто на рефлекторном и подсознатель-

ном уровне. Само собой, такое обилие внимания со стороны множества мужчин не может не вскружить голову ни одной фемине, и не воспользоваться им было бы совсем глупо. Именно поэтому, где-то с 4 месяца рейса, вся тяжелая кухонная работа, как правило была за них выполняема индивидуумами мужского пола с явными признаками переизбытка тестостерона в крови. За что их добровольных рабов, пошло и многозначительно хихикая, за глаза звали Ведронасами, Поломоями, Хлебопеками и Мясокрутами. Как говорить, чем богаты....

Даже в те годы Руководство Морского Флота, неустанно направляемое заботливой рукой Партии, конечно же никак не могла просто игнорировать прискорбный факт существования наболевшего вопроса сексуальных отношений на судах дальнего плавания. Во всем мировом флоте этот пикантный вопрос был решена уже давным-давно самым простым и естественным образом, но, Руссо Туристо, как известно – Облико Моралес! Поэтому была выпущена чрезвычайно содержательная брошюрка о Половом Воспитании моряков на судах Мин Морфлота. В ней довольно детально, простым и доступным языком были изложены все эффективные методы и способы по преодолению этой проблемы. В первую очередь, когда после 3-4 месяцев плавания, морякам неминуемо начинали лезть в голову всякие нехорошие мысли, конечно же предлагалось загружать их работой так, чтоб у ни у кого не оставалось ни минуты свободно-

го времени. Ну а если во время длительных морских переходов, несмотря на изощренные усилия администрации судна, это самое свободное время все же у людей нет-нет, да и выдавалось, то членов экипажа настоятельно рекомендовалось нагружать общественными обязанностями: рисовать стенгазету, писать Листовки- Молнии, систематически проводить собрания. В обязательном порядке была организация общесудовых соревнований по всем доступным видам спорта, а именно: игра в шашки, нарды и домино, предписывались географические викторины и конкурсы задорных речевок, шарады ну и конечно- же, как вишенка на торте- перетягивание каната. По вечерам, после напряженного трудового дня, горячо приветствовалось коллективное пение под баян на корме русских народных песен, опять же коллективное чтение очередных литературны опусов необычайно плодovitого в этом плане Генсека, ну или, на худой конец, совместное любование созвездием Южного Креста в таинственной тишине упоительной южной ночи под успокаивающий плеск волн за кормой. При условии грамотного подхода и правильной организации, все вышеописываемые мероприятия, по замыслам полубезумного автора этого шедевра в дешевой картонной обложке кирпичного цвета, должны были дать прекрасные результаты, обеспечивая высокую производительность труда, бодрый психологический климат в экипаже, полное отсутствие каких-либо похабных мыслей в голове и крепкий здоровый сон. Единственное, о чем забыл

упомянуть создатель этого содержательнейшего бестселлера, так это то, что по ночам администрации судна надлежало бы так же тщательно контролировать спящий экипаж, делая регулярные обходы по каютам с потайным фонариком, дабы убедиться, что руки у всех спящих находятся поверх одежды....

Достигнув заветного капитанского кресла Анатолий Иванович не мог не воспользоваться существующими привилегиями, дарованными ему в полном соответствии с негласным флотским уставом. Именно поэтому, приняв дела на очередном танкере, он разворачивал бурную деятельность по завоеванию сердечного расположения местных дам, напоминая красавца павлина, распутившего шикарный хвост в стае цесарок. Присутствие остальных членов экипажа, как потенциальных конкурентов, он не воспринимал абсолютно, поскольку понимал свою силу и прекрасно мог воспользоваться правом последнего слова, когда в этом возникала необходимость. Именно благодаря этому слову, не один морячек оказавший знаки внимания приглянувшейся ТоляВане курочки, бывал списан в первом же порту захода за самые разнообразные нарушения, которые он мог и не совершать вовсе! Своих противников Анатолий Иванович истреблял жестко и решительно, как настоящий альфа-самец, при первом же возникшем подозрении на шашни за его спиной. Эта его нехорошая черта вскоре стала известно всему флоту Пароходства, и любителей составить ему конкуренцию в

плане завоевания девичьего благорасположения значительно поубавилось. ТоляВаня блаженно кувыркался в обилие женской любви, словно сыр в масле, едва лишь поднявшись на борт очередного танкера после каждого нового своего назначения. Все бы ничего, но был один человек, которому данное положение дел решительно не устраивало, и который регулярно сворачивал ему кровь, мешая насладиться всеми привилегиями, дарованными султану в его гареме. Супругу Анатолия Ивановича, не понаслышке знавшей о его страстном стремлении прогуляться налево при первой же возможности, само собой одолевали самые серьезные и небезосновательные подозрения в отношении целомудрия ее благоверного, когда он убывал из дома в свое очередное длительное плавание. Поскольку она работала в одной из береговых служб Пароходства, то слухи об судовых амурных похождениях блистательного ТоляВани рано или поздно достигали и ее ушей. Не будучи в состоянии достать и хорошенько надавать супругу по сусалам за эти выкрутасы, когда он был в рейсе, она с нетерпением ожидала прихода его судна в базовый порт, чтоб тут же заявиться на борт с необъявленным визитом. Причем, основным стимулом побуждающим ее к этим посещениям было отнюдь не желание как можно скорей обнять своего муженька и выразить ему свои любовные чувства, а проведение расследования и раздача пряников по поводу супружеской неверности Анатолия Ивановича, слухи об любовных интрижках которого переполняли закули-

сье всей Компании. Зная эту интересную особенность своей жены, и, как правило, имея к концу рейса рыльце в пуху, что называется, по самые колени, Анатолий Иванович никогда особо не торопился к семейному очагу по приходу в родной порт, выискивая всевозможные предлоги, чтоб всячески оттянуть свое появление дома. Но по сути, это ничего не решало, так как супруга его, дама решительная и закаленная, как бронебойная сталь, за двадцатилетие совместной жизни, решительнейшим образом брала инициативу в свои руки. С нетерпением дождавшись окончания формальностей по оформлению прихода судна, она подымалась на борт и быстрым шагом направлялась в капитанскую каюту, где трясущийся от страха, предвкушающий скорую расправу Анатолий Иванович готовился принять этот удар судьбы на свою блудливую голову, лихорадочно прокручивая в голове все возможные сценарии по дальнейшему развитию событий. На коротком расстоянии от трапа до каюты его супруге на пути почти всегда попадался кто-нибудь из обслуживающего персонала, и в течение буквально одной минуты она была кратко, но достаточно четко информирована о всех безобразиях, которые успел вытворить ее муж, лишь только вырвавшись из-под ее заботливой опеки. Многие в экипажах знали об этой ее причуде, и всегда ждали ее появления на судне с большим нетерпением, чтоб хоть так насыпать соли под хвост вконец потерявшему нюх ТоляВане. Поэтому вместо теплых домашних пирожков, хрустящих ма-

лосольных огурчиков и запотевшей бутылочки водки (стандартный набор гостинцев, обычно приносимый женами моряков на судно!), а также очевидно в качестве альтернативы ожидаемо жарким объятьям, Анатолий Иванович с порога, и практически без предисловья, отгребал серию размашистых оплеух, тут же переходивших в нещадное драньё волос намертво вцепившейся ему в шевелюру обезумевшей от душившей ее ярости супруги. Неиссякаемый словесный поток далеко не литературных выражений разъярённой, словно фурия, соскучившейся за долгие месяцы разлуки дражайшей половины, служил верным подтверждением того, что воссоединение двух любящих сердец после длительного расставания удалось на славу! Хоть двери его каюты и были закрыты, но душераздирающий визг, истошный рёв, звон битой посуды и грохот переворачиваемой мебели отчетливо раздавался по всему судну! Практически весь экипаж, жадно прильнув ушами к переборкам прилегающих кают, с наслаждением слушал эту любовную воркотню, с восторгом внимая всем деталям разборок сей оригинальной супружеской пары. По доносившимся из каюты истерическим воплям сотворяющей возмездие, словно Богиня Немезида, разъярённой жены Анатолия Ивановича, можно было понять, что кастрация самым противоестественным образом - далеко не самое страшное, что она была готова с ним сотворить, если непрекращающиеся слухи о его многочисленных любовных похождениях будут и впредь вливаться в ее многострадаль-

ные уши, лишь только он покидает родной дом. Сполна удовлетворив свою жажду мести, и не забыв при этом стребовать от изрядно помятого ТоляВани причитающуюся ей по закону порцию супружеского долга, ревностная хранительница традиционных семейных ценностей удалилась с судна, оставив своего блудливого супруга убирать разгромленную каюту, зализывать раны, и восстанавливать изрядно пострадавший волосяной покров. Находившиеся в этот момент за переборкой в соседних каютах моряки, только что прослушавшие все стадии этой увлекательнейшей трагикомедии, тихо ликовали, энергично демонстрируя характерные жесты руками, доходчиво означавшие то, что только что сделали с Анатолием Ивановичем, и восторженно строя друг другу дикие рожи, должны показать высшую степень торжества! Эту захватывающую историю поведал в деталях дневальная, присутствовавший лично во время одного из таких визитов на судно Прямой Кишки, как за глаза звали супругу ТоляВани, за ее высокий рост и непомерную худобу. Поскольку многоопытная буфетчица по приходу в базовый порт всегда предусмотрительно отсиживалась у кого-нибудь в каюте на нижней палубе, чтоб не попасть под раздачу разъяренной Капитанши, то барские покои в эти дни приходилось убирать дневальной, которая, как, впрочем, и многие морячки того времени, была личностью неординарной, но все же на ней хотелось бы остановиться поподробней. Родители нарекли ее прекрасным именем Серафима, но все знакомые звали Хи-

росимой. Даже после краткого общения становилось очевидно, что папа и мама в свое время здорово ввалили пиджачка, и не поняли с кем имеют дело, когда подбирали ей имя, тогда как житейская народная мудрость не ошибается никогда! То ли за свои устрашающие габариты, то ли за недоброе выражение обильно разукрашенного оспинами лица, но скорей всего все же из-за своего непредсказуемого и взбалмошного характера, прозвище Хиросима намертво закрепилось за ней с первого же дня работы в Пароходстве. Ввиду своих выдающихся внешних данных, поиск потенциального жениха даже на флоте шел из рук вон плохо, несмотря на все прилагаемые ей титанические усилия, и не приносил пока вообще никаких результатов. Что ввергало Хиросиму одновременно в ярость и уныние, окончательно превращая в классическую Мегеру! В один из вечеров она упросила повариху, к тому времени уже вовсю крутившую адюльтер с 3-м механиком, устроить им совместные посиделки с Ревизором. На коего, изнемогающая от хронического дефицита суровой мужской любви Хиросима уже давно положила свой тяжелый девичий взгляд. Нужно все же отметить, что Ревизор наш действительно был чертовски хорош собой, точеным профилем своего лица и рельефной статью спортивной фигуры порождая горячие эротические фантазии не только лишь у одной Хиросимы. Ну что ж, дело житейское, спонтанное суаре было организовано вечером в каюте у поварихи, которая ради подруги расстаралась вовсю и напекла всяких

вкусоктей. Хиросима в свою очередь любовно выставила на стол заветную бутылку Смирновки, которую лилейно хранила весь прошедший рейс, в надежде использовать ее, как главный козырь, лишь только ей подвернется подходящая оказия заарканить потенциального жениха. Ревизор, как любой нормальный мужик, был большой любитель хорошенько пожрать, да и выпить был совсем не дурак. К тому времени судно уже несколько месяцев как находилось в длительном рейсе, повторяющееся изо дня в день однообразное вареву уже обрыдло всему экипажу, а все спиртосодержащие жидкости, включая те, что предназначались для ухода за различной судовой техникой, были давным-давно выпиты Судовой Администрацией, к числу которой, он, увы, не принадлежал. Поэтому Паша (как звали Ревизора), отнюдь не страдающий комплексами застенчивости, тут же согласился без излишних уговоров. Однако вечером, придя в каюту к третьему механику якобы для игры в карты, и улицезрев подозрительную гендерную парность приглашенных гостей, Паша к своим 30 годам обладавший богатым житейским опытом, моментально сделал абсолютно верный вывод, что пригласили его не только лишь повеселиться в приятной компании, и что за дармовую водку возможно придется выложить непомерно высокую плату. Окинув быстрым, но опытным взглядом разукрашенную и расфуфыренную в пух и прах Хиросиму, скромно потупившей очи долу, словно невеста на смотринах, Паша вспомнил старую истину о бесплатном сыре, ко-

торый бывает лишь в мышеловке. Но выпить ему хотелось просто страсть как сильно, вид запотевшей бутылки хорошей водки в совокупности с разнообразной закуской, обильно грудившейся на столе, сыграл-таки свою решающую роль, и скрепя сердце, Ревизор решил все же остаться. Буквально через 20 минут после начала дружеского застолья, повариха и третий механик под каким-то явно надуманным предлогом покинули гостей, оставив Пашу наедине с изнывающей от вожделения Хиросимой. Дебелая красotka, хватив для вящего куража солидную порцию Смирновки, распалаясь все больше и больше, и откровенно пожирая Ревизора горящими глазами, начала предпринимать явные попытки приблизиться к нему на ставшем вдруг почему-то очень тесном диване. Потихонечку отодвигаясь от нее к краешку, Паша опасно наблюдал, как пышущие жаром мощные груди, выпирающие из узкой кружевной кофточки, будто подоспевшее тесто из квашни, медленно, но неотвратимо нависают над ним, грозя, словно снежная лавина, намертво похоронить под собой. Спинным мозгом чуя, что эта хитроумно задуманная комбинация вот-вот должна вступить в свою заключительную фазу, с тонко продуманным финалом которой он был категорически не согласен, Ревизор, почти давясь, проглотил все плюшки, по- молодецки опрокинул в себя остатки уже теплой водки, и внезапно вспомнив про оставленный включенным кипятильник, выскочил «на минутку». Ловко избежав в самый последний момент могучих объятий страстно

возжелавшей его Хиросимы, ушлый Паша по-быстрому ска- тился по трапу палубой ниже, и осторожно постучал услов- ным стуком в каюту судовой докторши, с которой они во- всю крутили шуры-муры уже вторую неделю. Будучи впу- щенным внутрь уютного любовного гнездышка, Ревизор на- дежно запер за собой дверь, отключил телефон, и с ходу ма- стерски занырнул в койку прямо в объятия полусонной док- торины. После чего они с энтузиазмом занялись с ней имен- но тем, что ежевечерне практиковали вот уже на протяжении последних нескольких дней перед его ночной вахтой. Можно лишь догадываться, что творилось в душе коварно обману- той и бессердечно отвергнутой Хиросимы, хотя это и так бы- ло предельно ясно даже для людей, обделенных богатой фан- тазией! В завершение к этой захватывающей истории, пред которой блекнет и выглядит всего лишь жалким комиксом пресловутая Санта- Барбара, остается только дополнить, что на следующий день, в ответ на немой вопрос 3-го механика по существу произошедшего (вернее сказать – так и не про- изошедшего), Паша с пафосом процитировал ему бессмерт- ную фразу классиков отечественной литературы: «Согласие есть продукт при обоюдном непротивлении сторон!». И уже от себя, назидательно подняв вверх указательный палец, до- бавил, что женщина должна хоть немного походить на жен- щину, а не на Экскаватор! А также от души поблагодарил за вкусные плюшки и холодную водку, заверив 3 –его меха- ника в своей полной готовности вновь поучаствовать в вече-

ринке, как только им вздумается еще повеселиться! Но, как ни странно, предложений принять участие в дружеских посиделках ему больше не поступало....

Но давайте вернемся к захватывающе-интригующей сцене встречи ТоляВани с супругой после длительной разлуки. По окончании экзекуции, основательнейшим образом отделанный и донельзя униженный Анатолий Иванович понуро брел домой, жалобно поскуливая, как старый побитый пес, и последующие несколько дней, что судно находилось в родном порту, не было семьянина более примерного и супруга более заботливого и любящего, чем он сам. Впрочем, как гласит народная мудрость- горбатого могила исправит, и по прошествии определенного времени, лишь только зарубцовывались душевные и телесные раны, отрастала выдранный с корнем растительность на голове, все возвращалось на круги своя. И продолжалось это веселье до тех пор, пока один из очередных амурных экзерсисов Анатолия Ивановича чуть не закончился летально для него же, причем в полном смысле этого нехорошего слова. В общем, дело было так.

Шерше Ля Фам (часть вторая, заключительная)

Каждое новое назначение по завершению отпуска он ждал, как праздника. Парадокс, но это – сущая правда; как и большинство моряков Анатолий Иванович находясь на судне считал дни до окончания контракта, но с еще большим нетерпением он ожидал завершения отпуска, чтоб вновь

поднявшись на борт судна, ощутить себя в привычной комфортной обстановке и стать самим собой. Кроме того, отношения с женой, смертельно уставшей от всей этой любовной свистопляски ввиду блудливого нрава своего благоверного, отнюдь не были радужными, что в свою очередь не способствовало приятному времяпровождению в отпуске. За грубую ошибку, приведшую к серьезным повреждениям судна во время предыдущего контракте, в качестве наказания он был направлен на крошечный старенький танкер на все время летнего арктического завоза. И вот, напряженно отработав полностью лето и часть осени в неласковых северных широтах, судно наконец взяло курс в базовый порт. Несмотря на совсем небольшие размеры, танкер был под завязку забит людьми; в «полярку» помимо основного экипажа Компания обычно отправляла довольно большое число дополнительных специалистов: токари, сварщики, слесари. На пустынном, необорудованном берегу Арктики баз по ремонту вышедшего из строя судового оборудования не было, вот и брали с собой допштат на случай непредвиденных эксплуатационных повреждений. Ну и, само собой, обслуживающему персоналу приходилось трудиться не покладая рук весь день, чтоб обслужить, накормить, обстирать всю эту ораву. В этот раз в экипаж включили хорошенькую девчущку, определив ее буфетчицей, не смотря на молодость. Буфетчица, как уже ясно из предыдущих историй, роковая женщина на флоте, этакая – Пиковая Дама! Звали ее Наташа, и она была

действительно чудо, как хороша, и не было никого из экипажа, чье сердце не замирало бы, когда она обращала на него свое внимание по любому поводу.

Третий помощник, влюбился в нее с первого же взгляда, с пылкой страстью пока еще не безнадежно испорченного жизнью юноши. Внезапно вспыхнувшие чувства неизбалованного избытком женского внимания паренька были, надо полагать, настолько сильны, что никогда не пробовавший себя в литературе он совершенно неожиданно даже для себя, начал посвящать ей стихи, довольно милого и трогательного содержания:

В море по семи ветрам плыл кораблик по волнам
В экипаже есть девица, по прозванию Наталица
Хороша, умна, стройна, и в суждениях вольна.
В экипаже стар и млад Угодить Наташке рад.
По хозяйству помогают, и стихи ей сочиняют.
Ой ты милая девица, ясно солнце Наталица
Ты не мучь нас неведеньем, Дай свое благословенья
Нежной страсти не тая, Выбирай богатыря.

Есть одна Малышка, Шустрая, как мышка
Чистые подушки, и в буфете кружки
Стройненькие ножки, а в ушах сережки
Милая мордашка, Это ты- Наташка!

Ну какая же девушка могла устоять против такого объяснения в любви! Отношения между ними завязались очень быстро, но были они скорее дружеские, и насколько далеко зашли, сказать сложно. Скорей всего, контрольная черта не была перейдена, в противном случае, на крошечном судне, переполненном осточертевшим друг другу людьми, эта новость моментально бы стала всем известна. Да и кроме того, Наталья была на редкость общительна, и охотно поддерживала отношения со всеми, кто проявлял к ней интерес, поэтому по вечерам ее часто видели в гостях во многих каютах. Свечу, нужно заметить, никто не держал. Понятное дело, Анатолий Иванович ну никак не мог пройти мимо такого соблазнительного кусочка свежего, сочного пирога, и с первого же дня принялся одаривать молодую красотку недвусмысленными знаками своего капитанского внимания. Как только его чутко настроенные радары фиксировали ее появление в зоне доступности визуального и слухового контакта, отвисший живот автоматически втягивался, масляная пелена заволакивала его подслеповатые глазки, на устах разыгрывала недвусмысленная похотливая улыбка. Откровенно пожирая аппетитную красотку глазами, и плотоядно облизываясь, словно кот на сметану, тем не менее, чтоб заполучить столь желанный трофей и приобщить его в свою богатую охотничью коллекцию, в этот раз он не решился применить свое проверенное годами оружие – банальный харрасмент. Народу на судне хватало, гормоны играли в избытке почти у всех

в равной степени, весь экипаж одаривал Наташку усиленными знаками внимания, в надежде добиться ее благорасположения. В случае конкретного грубого наезда на буфетчицу, непререкаемый авторитет Мастера мог и не сработать, что вполне могло привести к возникновению конфликта с непредсказуемыми последствиями. Экипаж состоял в основном из штрафников, сосланных на этот танкеришко в качестве наказания, которым терять было нечего (Дальше Колымы, где судно и так отработало все лето, не сошлют!) поэтому взять кого-либо на крючок было практически нереально. Анатолий Иванович это прекрасно осознавал, поскольку отнюдь не был полным идиотом, практика к тому времени у него была достаточно богатой, и ситуацию он оценивал вполне адекватно. Надо полагать, именно поэтому он решил не переть напролом, а использовать более традиционный метод и покорить красоточку исключительно своим мужским обаянием. Практически не знавший до этой поры отказов ТоляВаня был абсолютно уверен в своей неотразимости в глазах слабого пола, и склонить к любовной интрижке очередную жертву, по его мнению, было пара пустяков, по сути лишь делом времени. Убирающую ему каюту по установленному на флоте расписанию буфетчицу ТоляВаня ежедневно встречал накрытым столом, на котором красовался изящный китайский фарфор, источал дивный аромат свежесваренный фруктовый чай, и грудились разнообразные шоколадные вкусности, до которых сам ТоляВаня был чрезвычай-

но охоч. Зная эту мужнину слабость к сладенькому, супруга Анатолия Ивановича всегда снаряжала ему в рейс полную сумку всевозможных конфет в конце отпуска, когда он уже успевал заработать индульгенцию за прошлые злодеяния и старательно исполнял роль примерного семьянина. А также заботливо принесла ему из дома семейный чайный гарнитур и набор всевозможного чая. Достать все это великолепие по тем временам было очень даже непросто, но что не сделает любящая женщина ради своего мужа! И вот теперь конфетки этигодились, как нельзя кстати. Продуктовое снабжение было паршивенькое, на берегу в крошечных арктических поселениях в период навигации с прилавков магазинов пропадало практически все, поэтому со сладеньким на судне были проблемки. Развлекая даму непринужденными беседами и воспоминаниями о своей героической капитанской судьбе, и наблюдая, как смазливая буфетчица аппетитно уминает за обе щежки женины конфетки, ТоляВаня в душе ликовал и уже радостно потирал свои тогда еще холеные ручки, в нетерпеливом предвкушении неминуемой, по его глубокому убеждению, развязки. Могучая волна нереализованного либидо возносила его красноречие до невиданных высот! Что ж, развязка действительно произошла, правда не совсем такая, каковой представлял её себе наш импозантный любитель дамских прелестей. Надо сказать, что отношения со штурманами к концу полярного плавания у ТоляВани уже были не просто натянутыми, а откровенно взрыво-

опасными. Не имея возможности списать, по укоренившейся привычке, кого-либо с судна в безлюдной холодной Арктике, он откровенно замордовал своих Помощников выговорами, предупреждениями, взысканиями, наставил множество «дырок» в контрольных талонах к их дипломам. Причем в большинстве случаев- за всякую ерунду, по существу ничего не значившую. Больше всего доставалось третьему помощнику, в первую очередь за его гонористость и мальчишескую прямоту и излишнюю горячность. Ну и, естественно, отношения 3 штурмана с буфетчицей, которые становились все более откровенными, никак не могли не быть не замеченными ревнивым Анатолием Ивановичем, крайне болезненно и подозрительно воспринимающего любую попытку общения своей пассии с кем-либо из экипажа. Ежедневные разносы, нагоняи и придирки, устраиваемые ТоляВаней своему подчиненному и потенциальному конкуренту по любому поводу, да и без такового, никак не способствовали установлению мира и взаимопонимания на ходовом мостике. В общем, моральная обстановка на судне сильно напоминала атмосферу в закрытом, непроветриваемом помещении, густо пропитанную скопившимися парами бытового газа, просочившегося из дырявой трубы; достаточно было лишь крошечной искры, чтоб полыхнуло и жажнуло на всю катушку. Искра сверкнула за несколько дней до подхода в родной порт, и рвануло знатно, от всей души рвануло, так что- мама не горюй!

Пройдя Берингов Пролив, судно уверенно катилось вниз

по Шарику, и погода, несмотря на осеннюю промозглость, с каждым днем становилось все лучше и лучше. Чего нельзя было сказать о психологической атмосфере, царившей среди экипажа, до крайности утомленного длительным арктическим плаванием без захода в цивилизованные порты. В переполненных жилых помещениях танкера о каком-то даже элементарном комфорте говорить не приходилось. Давно превратившись в однообразную пищу, жуткая скученность множества смертельно надоевших друг другу людей в крошечных каютах, постоянные ограничения с пресной водой и полное отсутствие какого-либо даже элементарного досуга в свободное от работы время; все это подогревало и без того чрезвычайно нервную обстановку, способствуя возникновению постоянных стычек и ссор.

В эту памятную дату, 3-й Помощник, заступив как положено, в 08.00 на свою пионерскую вахту, наслаждался покоем временного одиночества, рассветной тишиной и хорошей сигареткой с непременною чашечкой кофе. Поскольку раньше 10 часов утра, любивший хорошенько поспать ТоляВаня, обычно никогда не появлялся на мостике, 3 Штурман, пребывая в расслабленном состоянии духа, утратил бдительность, за что вскоре и поплатился. Анатолий Иванович в этот день дурно выспался, и страдая от приступов застарелого спермотоксикоза, уже больше часа злобно пялился в подволок каюты, над которым явственно слышались ритмичные постукивания. Третий Помощника, ко всему прочему

имел дурацкую привычку тарабанить ногой по переборке, в такт какой-нибудь насвистываемой мелодии. Анатолий Иванович всерьез подозревал, что 3-й Штурман это делает нарочно, с единственной целью досадить ему, зная, как отчетливо любой стук на мостике слышен в нижних каютах. И, надо признаться, эти его подозрения были отнюдь не безосновательны! Потому как в предутренние часы на ум решительно ничего конструктивного не приходило, ТоляВаня, медленно закипая, как залитый до краев чайник, мучился над извечным во все времена Капитанским вопросом: «Кого бы растоптать?!» Кряхтя и нежно почесывая бока, обросшие за долгие месяцы плавания заметным слоем жирка, Анатолий Иванович наконец вылез из койки, и, недолго поразмыслив, решил нанести визит Вахтенному Помощнику на мостик несколько раньше, чем он это обычно делает по утрам. Причем попытаться незаметно проникнуть в рулевую рубку не как всегда, через дверь, а зайти с открытой палубы через крыло, что предоставило бы ему прекрасную возможность сперва визуально оценить обстановку на мостке, самому же в это же время оставаясь невидимым. Что в свою очередь должно бы поспособствовать осуществлению его заветной мечты – узнать, чем же штурмана занимаются в его отсутствие. Коварный замысел был воплощен в реальность просто блестяще, и, испытывающий нестерпимый зуд любопытства ТоляВаня, незаметно просочившись с крыла мостика в рулевую рубку, застал 3-го Помощника вальяжно раз-

валившимся в капитанском кресле, с сигаретой и кофе в руках, при этом для большего комфорта возложившим обе ноги на машинный телеграф. Чем и подписал себе смертный приговор в глазах Капитана, узревшим в столь фривольном поведении Вахтенного Помощника полное пренебрежение к его указу, запрещающим сидеть на вахте, да еще так вызывающе! Незаметно зайдя в рулевую рубку с крыла, и тихо подкравшись вплотную к одиноко кайфовавшему в капитанском кресле 3-му Штурману, Анатолий Иванович что есть мочи рывкнул ему в ухо: «Доброе Утро, Сергей Михайлович!». Ясное дело, столь экстраординарное приветствие, внезапно материализовавшегося из неоткуда Капитана, не могло не возыметь ошеломляющего эффекта, правда, как станет ясно несколько позже, с абсолютно непредвиденными последствиями! Едва не наделав в штаны от неожиданности, ошалевший Сергей Михайлович в ужасе подпрыгнул в кресле, уронив чашку с горячим кофе себе на причинное место, но при этом все же попытался быстренько убрать ноги с машинного телеграфа, чтоб соскочить с капитанского кресла. По всемирному закону подлости, при этом он зацепил ногой ручку проклятого телеграфа, который тут же отработал с положения «Полный Вперед» на «Полный назад». Двигатель был в ходовом режиме, и такие непредвиденно-резкие маневры без предварительного согласования с вахтой в ЦПУ, само собой, ничем хорошим закончиться не могли. Тут же страшно и разнотонально заверещало, зазвенело, заморгало

и запищало все, что только могло это делать; почти одновременно сработала вся звуковая и световая сигнализация в машинном отделении и на мостике оповещавшая о внезапных критических перегрузках судового Главного Двигателя. Механики, очумевшие от зашкаливающих параметров пошедшей в разнос машины, с истошными воплями обрывали телефон, пытаясь восстановить первоначальное положение телеграфа и снизить обороты, чтоб устранить тяжелые перегрузки, мгновенно возникшие из-за непредвиденного резкого реверса, и которые вполне могли развалить старенький и изношенный двигатель, давно уже требующий капитального ремонта. В результате героических усилий вахте Машинного Отделения удалось сравнительно быстро вывести двигатель обратно в нормальный режим. Бьющийся в истерике Старший Механик наконец дозвонился до рулевой рубки, и с трудом перекрывая многоголосье ревушей сигнализации, на доступном русском языке с многочисленными интимными подробностями растолковал взявшему трубку Анатолию Ивановичу все, что он думает по поводу произошедшего. А также очень корректно попросил больше так никогда не делать и высказал наилучшие пожелания на многие годы вперед всей судовой штурманской службе, во главе с Капитаном, естественно. После чего разъярённый до безумия Дед швырнул трубку, не дав обалдевшему от этой экспрессивной тирады ТоляВане даже вставить слово. Но веселье на этом отнюдь не завершилась. Во время резкого вывода Главно-

го Двигателя обратно в режим нормальных оборотов, спонтанно возникла сильнейшая резонансная вибрация, от которой несколько минут все судно ходило ходуном, а на камбузе незакрепленная посуда с грохотом посыпалась со стеллажей. В принципе, вибрация на любом судне – дело привычное, к ней привыкают и с ней умеют бороться, но сейчас она возникла абсолютно непредвиденно, и сила ее была просто запредельной! На палубе боцман с утра раскрепил и вывалил грузовую стрелу, чтоб осмотреть и наладить такелаж, работа была уже почти закончена, но как только началась вибрация, стрела принялась угрожающе трястись и раскачиваться, и буквально через минуту ее изношенный блок крепления с мачтой не выдержало и оборвался. Со страшным грохотом и треском стрела рухнула на палубу, едва не похоронив под собой бедного боцмана, который проявив чудеса ловкости, успел-таки проворно, словно крупный кузнечик, отпрыгнуть в сторону. Тем не менее упавшая тяжелая стрела в щепки разнесла рабочую шлюпку, превратив ее в груды деревянных обломков, не подлежащих восстановлению и оборвала весь только что налаженный палубной командой такелаж. Вот такая вот вышла интересная шуточка с продолжением! Когда вся суматоха, беготня и суета понемногу улеглась, естественно, встал вопрос о причинах случившегося и, само собой, поиск виновника произошедшего, которого конечно же, долго искать не пришлось. Почти час, практически без перерывов, густо налившись пунцовой синевой, словно громадный гной-

ник, готовый вот-вот взорваться, Анатолий Иванович, взяв максимально высокую тональность, с натужной гнусавостью орал на находящегося в глубокой прострации от только что пережитого, донельзя несчастного, Третьего Помощника. В конце экзекуции, для закрепления učinённого нагоняя, ТоляВаня велел 4-му Помощнику принести Рабочий Диплом 3 го Штурмана, и тут же, не глазах у всех, кто был на мостике, произвел очередную прокол-отметку в его контрольный талон, уже вторую по счету с начала того злополучного рейса. По сути, сделано это было с нарушением правил, поскольку «пробить дыру» согласно Устава он мог лишь после составления и озвучивания соответствующего Приказа по Судну. Проявлявший страшную мелочность и дотошность в отношении малейших ошибок совершаемыми его подчиненными, сам ТоляВаня частенько трактовал Устав по своему усмотрению, причем далеко не всегда полностью согласно букве закона. Стоит заметить, что в отличие от остальных штурманов, уже воспринимавших регулярные выволочки от Анатолия Ивановича с обреченной неизбежностью, во время общения с ним стараясь абстрагироваться от избыточно льющегося негатива, то излишне строптивый 3 Помощник принимал все слишком близко к сердцу, оспаривая и контраргументируя любые обвинения, систематически выдвигаемые Капитаном против него. Само собой, такая его реакция действовала на ТоляВаню, словно красная тряпка на быка, и он распалялся все больше и больше, доводя себя до исступ-

ления, каждый раз, когда пытался учить молодого специалиста уму- разуму. Дальше события развивались стремительно. Выполняя устное указание Анатолия Ивановича явиться к нему после вахты для подписания приказа обо очередном взыскании, 3-й Штурман зашел к нему, как и было велено, после обеда. Надо полагать, то, что он увидел в каюте Капитана, и явилось той самой соломинкой, что наконец сломала горб одинокого верблюда. В Капитанском кресле восседала его сказочная Богиня, его Афродита, девушка, лишившая его покоя и завладевшая всеми его помыслами и мечтами, та – которой он грезил ночами и которой посвящал свои робкие стихи. Богиня бойко щебетала с ненавистным Капитаном, похотливо ощерившим свое сальное рыло в якобы галантной улыбке, и прихлёбывая чай с аппетитом поглощала остатки шоколадных конфет. Анатолий Иванович, правой рукой словно невзначай пытался приобнять ее за точеные плечики, и сложив лоснящиеся губки трубочкой, как делают дети, когда хотят изобразить слоника, явно намеревался поцеловать Буфетчицу в ее лебединую шейку. К его великой досаде, красавица, хоть и слопала без всякого стеснения почти все конфеты, отнюдь не выказывала явного желания тут же упасть ему в объятия. Было очевидно, что дефицитный шоколад так и не возымел на нее желаемого воздействия, как распиаренный афродизьяк, на которое так рассчитывал далеко продвинутый в этих вопросах Анатолий Иванович. Более того, капризной буфетчице игры, затеянные активно

потеющим от вожделения ТоляВаней, явно были не по нраву, поэтому она, недвусмысленно шлепнула его ладошкой по рукам. Ослепительная вспышка сверкнула перед глазами у 3-го Штурмана и вся Вселенная с оглушительным грохотом разлетелась вдребезги. Полностью утратив над собой контроль от увиденного, он молча ринулся на Капитана, явно намереваясь разом покончить с ним, как источником всех своих многочисленных бед. Но ТоляВаня, проявив абсолютно неожиданную от него прыть, и пользуясь явным преимуществом в весе и силе, сумел-таки схватить и вытолкать обезумевшего 3-го из своей каюты, после чего тот сразу же убежал на верхнюю палубу. Ошарашенные случившимся, Анатолий Иванович и Буфетчица, раскрыв рты и выпучив глаза, смотрели в проем открытой двери, инстинктивно ожидая дальнейшего продолжения банкета. Не прошло и минуты, как Третий Помощник бегом вернулся обратно, но на этот раз уже не с пустыми руками. Прямо в переносицу Анатолию Ивановичу уставилась его смерть, в виде сигнальной ракеты П-2, находившейся в руках белого, как мел Третьего Штурмана. Не мигая он смотрел в лицо ТоляВане огромными от ненависти глазами с расширившимися до предела зрачками, медленно натягивая пусковой шнур ракеты. Чудовищное изобретение отечественного Военпрома, во все времена страдавшего гигантоманией, светозвуковая сигнальная граната, она же – ракета П-2, это жуткое изделие обладало фантастической силой и мощью. Запускать этот болид мож-

но было только лишь со специальной подставкой, иначе вполне можно было остаться без рук, а сила ее взрыва была такова, что запросто могла разнести в клочья средних размеров автомобиль. Анатолию Ивановичу были отлично известны особенности и тактико-технические данные П-2, поэтому в мгновение ока вся его прожитая жизнь пронеслась перед глазами. Он прекрасно понимал, что если окончательно сбрендивший 3-й штурман рванет пусковой линь ракеты находясь внутри каюты, то при самом благоприятном раскладе, она может успеть вылететь в коридор через открытую дверь, лишь сломав кому-нибудь пару-тройку ребер, да выбив попутно глаза да зубы. Но скорей всего, через положенные несколько секунд она шархнет прямо в каюте, наполнив ее мелким фаршем из 3 находившихся здесь человек. Повисшую внезапно жуткую тишину разрядил истошный визг буфетчицы, которая хоть и слабо была ознакомлена с характеристиками П-2, но по лицам присутствующих, да и чисто рефлекторно догадалась, что дело – табак, и все движется к смертоубийству. В следующее мгновение, выплюнув недожёванную конфету, она выскочила в коридор, и сломя голову бросилась бежать вниз по трапу, не переставая истошно голосить на предельно высокой тональности, временами переходящую в ультразвук. Всего лишь одного мгновенья, на которое отвлекся 3-й Штурман, рефлекторно провожая ее глазами, оказалось вполне достаточным для Анатолия Ивановича, чтоб выбить страшную штуковину из рук нападав-

шего, и оттолкнув его в сторону, броситься на мостик, под защиту 2-го Помощника, который в это время был на вахте. Следом за ним в рулевую рубку ворвался 3 Штурман, и с ходу запрыгнув, словно горный барс, на спину Анатолию Ивановичу, попытался сомкнуть пальцы у него на горле. Вскоре подоспевшие на непривычно дикий шум на мостке остальные Помощники Капитана, не без труда сумели оттащить находящегося в полной прострации 3 Штурмана, вцепившегося мертвой хваткой в повизгивающего от страха ТоляВаню. Навалившись вчетвером, на ставшего вдруг неестественно сильным щуплого третьего Помощника, его связали по рукам и ногам всем тем, что было в рубке и могло сгодиться для этой цели. Естественно, в пылу спонтанно образовавшейся свалки, про навигацию все как-то дружно позабыли. А между тем вошли в плотное скопление японских рыболовных шхун, которые ежегодно осуществляли в этом районе сезонный вылов лосося. Суровый арктический труженик перпрямиком по бесчисленным сетям и буйам, бесстрастно взирая осиротевшими глазницами смотровых иллюминаторов ходовой рубки на то, как мечутся перед самым его носом, но в последний момент разбегаются, словно зайцы, характерные низкобортные кавасаки, пытаясь оттеснить от своих дорогостоящих навороченных снастей неизвестное судно, внезапно вынырнувшее из тумана. Но танкер, не сбавляя ход и не маневрируя, продолжал равнодушно утюжить корпусом и рубить винтом мигающие разноцветными огнями вешки и

буйки, даже и не пытаясь хоть немного изменить курс, чтоб обойти их на безопасной дистанции. Радиоэфир был до предела наполнен дикой какофонией истошных воплей беснующихся в бессильной ярости японцев, которые лишь могли наблюдать со стороны, как судно планомерно уничтожает их снасти, но никто из штурманов, увлеченных спонтанно возникшей потасовкой на мостике, даже и не обратил на это внимание. Наконец все страсти-мордасти улеглись, необходимый порядок был восстановлен, и судовая жизнь вновь начала возвращаться к своему обычному распорядку. Истерично рыдающую буфетчицу подруги увели в каюту, и долго отпаивали чаем с валерьянкой, правда уже без шоколадных конфет (!), пытаясь успокоить. На мостке ликвидировали все следы недавней баталии, выставили, как положено ходовую вахту, и отправили срочную телеграмму в Пароходство, известив в необходимом объёме обо всем случившемся. Анатолий Иванович еще долго не мог унять противную дрожь в руках и коленях, вытирая непрерывно потеющие ладони, но прекрасно осознавая, что капитанских обязанностей с него никто не снимал, засел за написание многочисленных рапортов и донесений, с подробными разъяснениями по существу происшествия. Неминуемое служебное расследование, конечно же отнюдь не внушало ему особой радости, но в принципе, было делом поправимым, и безудержной паники по этому поводу, повывавшему жизнь во всех ее ипостасях, ТоляВаня не испытывал. Но лишь при первой же мыс-

ли о предстоящих семейных разборках, на горизонте сразу же отчетливо вырисовывался жуткий призрак, одетый в белый, бесформенный балахон. Дружелюбно помахивая одной костлявой рукой, другой он любовно прижимал к себе остро наточенную косу. У призрака было приветливо улыбающееся лицо любящей супруги Анатолия Ивановича, с нетерпением поджидающей его дома. . . . Третьего помощника, в полном положении с Уставом, заключили под домашний арест, удалив из каюты все острые, режущие и колющие предметы. Иллюминатор намертво затянули, а барашки болтов поснимали, чтоб нельзя было его открыть вручную изнутри. Выставили вахту у дверей, пищу приносили, как и положено, 3 раза в день. Впрочем, за оставшиеся до прихода в базовый порт двое суток, Третий Штурман, почти придя в себя, не сделал больше ни единой попытки выкинуть еще какой-нибудь фортель, и вел себя вполне адекватно. Осознание всего случившегося, явно давило на него страшным грузом, и он крайне неохотно общался со всеми, кто пытался все-же с ним поговорить, односложно отвечая на все задаваемые вопросы. Единственный человек, с кем он был достаточно откровенен, 4-й помощник входил к нему беспрепятственно, чтоб утешить и поддержать угодившего в столь жуткую катавасию коллегу, в полном соответствии с негласным Кодексом Штурманской солидарности. Сравнительно неплохо для обычного обывателя разбиравшийся в медицине, именно он дал достаточно дельный совет Третьему Помощнику упор-

но отстаивать версию о внезапно произошедшей амнезии, то есть, во время предстоящих официальных допросов отрицать все обвинения и утверждать, что он ничего не помнит, находившись в состоянии сильнейшего аффекта, но априори натворить ничего подобного он никак не мог! Ему то Третий Штурман и поведал, что не выстрелил ракетой в каюте у Капитана, лишь только потому, что пожалел буфетчицу, которая там тоже находилась в этот момент. Ну и то, что последние несколько ночей он вообще не мог спать, терзаемый навязчивыми и весьма характерными звуками ритмично скрипящей панцирной койки в каюте капитана, чья спальня находилась у него непосредственно за переборкой.... Звуки эти распаляли до предела его и без того не в меру богатое воображение, которое услужливо вырисовывало у него в голове самые откровенные сцены весьма пикантного содержания с участием небезызвестных лиц. Все это порой доводило бедного ...страдальца до полного иступления, уже граничащего с умопомешательством. Впрочем, всем известна старая истина, если человек смертельно боится что-то услышать, то рано или поздно он это непременно услышит. По приходу в базовый порт стали на якорь, моментально к борту подскочил рейдовый катер с людьми в милицейской форме на борту, но был среди них и один человек в белом халате. Почти сразу третьего Помощника, со скованными наручниками руками, увезли на берег. После чего, что говорится, по горячим следам, со всего экипажа взяли письменные объ-

яснения по существу произошедшего. И лишь только после этого команде разрешили сход на берег. На причале, переминаясь с ноги на ногу, нетерпеливо поджидала Анатолия Ивановича его дражайшая половина, по традиции пришедшая встречать супруга, вернувшегося домой из длительного и столь увлекательного рейса. Добрые люди конечно же уже успели сообщить ей обо случившемся на судне в общих деталях, поэтому, ласково улыбаясь опасливо приближавшемуся к ней ТоляВане, она деловито разминала кисти рук, в точности, как это делают кик-боксеры перед началом поединка. Все, что произошло сразу же после их встречи на причале было вполне предсказуемо, и мало чем отличалось от того, что происходило ранее, поэтому нет смысла описывать это рандеву во всех его душераздирающих подробностях. С тем лишь пикантным дополнением, что расправа над в очередной раз провинившимся Анатолием Ивановичем происходила не дома и не в каюте не судне, а на пирсе, непосредственно перед окнами Дирекции Нефтебазы, которые конечно тут-же плотно облепили лица сгорающих от любопытства служащих Конторы. Нечего и говорить, что уже на завтра все пикантные подробности этой встречи стали известны практически всему городу, равно как и все предшествующие ей события, произошедшие на судне.

Не менее интересным фактом во всей этой необычной, даже для флота истории, было то, что проныра 4-й помощник был единственным человеком, которому даже удалось

извлечь для себя осязаемую выгоду от всего произошедшего. Вот уж точно, никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь! Согласно существовавшему положению, по окончании длительного рейса, в те времена все судовые отчеты, приказы, рапорта, изданные на судне за все то время, что оно не было в базовом порту, собирались в единый большой пакет и доставлялись в Управление Компании для дальнейшего продвижения по инстанциям. Тотального интернета пока еще не было, вся документация существовала едино лишь в бумажной версии. Комплектовал и запечатывал пакет Капитан, а относил в Контору младший Штурман. В этот раз, приняв от находившегося в полном отчаянии от всего происшедшего Анатолия Ивановича туго набитый бумагами конверт, и получив от него указание доставить все в Пароходство, глазастый 4-й Помощник моментально обнаружил, что пакет не был запечатан как обычно, а лишь закрыт. Ему было прекрасно известно, какие именно документы находятся в этом конверте, поскольку он сам исполнял роль судовой машинистки и лично отпечатал на пишущей машинке «Broders» (тот еще мартышкин труд, уж поверьте!) все многочисленные приказы о выговорах, взысканиях и наказаниях, включая и 3 строгача самому себе, что успел впясть пишущий злобой ТоляВаня своим подчиненным за все время этого исторического рейса. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что судьба улыбалась «Чирику» (4 Штурман) во весь рот, наглядно демонстрируя все свои бело-

снежные 32 зуба! Открыть конверт, вытащить 3 приказа об объявлении строгих выговоров, которыми мерзопакостный Анатолий Иванович сподобился одарить его лично, закрыть конверт, заклеить и запечатать судовой печатью, которая согласно положений Устава хранилась у него самого; все это было делом одной минуты. После чего, запечатанный и проштампованный пакет с документами был доставлен, как и положено, в управление Пароходства. Была бумага, и нет бумаги, были выговора, и нет выговоров! А нет тела, и нет дела! Таким образом, «Чирик» оказался единственным из Штурманов, кто умудрился вернуться из этого увлекательнейшего путешествия без единого взыскания. Что и было воспринято в Управлении Кадров Компании, где отлично знали сволочной характер Анатолия Ивановича, как подтверждение его высокой служебной квалификации. И уже со следующего контракта, получив повышение по службе, он работал 3-м Помощником Капитана на одном из лучших судов Пароходства, вспоминая, как страшный сон кошмарную «полярку» с энергетическим Вампиром ТоляВаней. Самого же Анатолия Ивановича, занятого в то время исключительно решением многочисленных проблем, в изобилии свалившимися ему на голову, тогда абсолютно не интересовало продвижение по инстанциям выговоров и взысканий, объявленных им своим Штурманам за прошедший рейс. Капитанское кресло под ним самим трещало самым угрожающим образом и разваливалось прямо на глазах, и ему не было никакого дела ка-

ких-то его приказов, которых он уже успел к тому времени настроичить далеко не один десяток.

В завершении этой истории, надо все же заметить, что это мутное дело фактически спустили на тормозах, поскольку случай был неординарный, и Компания мудро решила не выносить мусор из избы. Анатолию Ивановичу и в этот раз удалось-таки отделаться лишь строгими выговорами по партийной и служебной линиям, но он надолго закрепился в списках «штрафников», без перспективы дальнейшего продвижения и возможности сесть на хорошее судно.

Буфетчица, роковая женщина, послужившая яблоком раздора в этом конфликте, совсем недолго продолжила свою работу в Компании. Очевидно, все произошедшее в тот раз на судне потрясло ее до глубины души, заставило задуматься о своем предназначении в этом мире, и коренным образом изменило ее взгляды на все происходящее вокруг нее. Одним словом- полностью перевернуло ее жизненную позицию, нивелировало все прежние ценности. Буквально через несколько месяцев после описываемых событий, она, очень неожиданно для многих знавших ее, вышла замуж за бородастого старовера, и уехала с ним жить в далекий таежный скит. Молва донесла, что стала она глубоко религиозной, и решила посвятить свою жизнь служению истинной вере, уединившись в таежной глуши с родственными ей душами подальше от греховных соблазнов мирской суеты. На чем ее короткая, но запоминающаяся карьера на торговом флоте и заверши-

лась.

Не в меру впечатлительного третьего Помощника, с его нежной душевной организацией, потихоньку рассчитали в Пароходстве, и без лишнего шума и волкиты отправили работать по месту жительства, в западную часть Страны, подальше от brutальных дальневосточников и оболъстительных дальневосточниц. Фабула с временной амнезией, надо сказать, сработала совсем неплохо, и отделавшись лишь многочисленными мед экспертизами, в конечном итоге уголовного наказания ему удалось избежать! По некоторым слухам дальнейшая его карьера сложилась довольно успешно.

Ревизор Паша, как и многие в Пароходстве в то неоднозначное и взбалмошное время, вскоре ушел с флота, для того чтоб организовать свой собственный бизнес на берегу. Нет никаких данных о том, удалось ли ему добиться успехов на этом новом поприще, но что доподлинно известно, у него проявились недюжинные поэтический и музыкальный таланты, и совсем недурные песни на его же стихи до сих пор распевает молодежь этого портового города, так и не ведая о том, кто же их настоящий автор. Да не оскудеет талантами земля Дальневосточная!

4-й Помощник уж много лет, как стал Капитаном и продолжает работать по специальности. Во время длинных морских переходов он нет-нет, да и берется за перо, чтоб изложить на бумаге свои воспоминания и поделиться своими же размышлениями о несовершенстве мироустройства и о мно-

гогранных противоречиях загадочной человеческой природы.

Перезрелую красотку Хиросиму, отчаянная, но с треском провалившаяся попытка затащить в койку смазливового Пашу- Ревизора хоть и повергла в пучину мучительной тоски и затяжной депрессии, но тем не менее достаточно толково обучила кой- каким тонким житейским премудростям, что безусловно должно ей пригодиться в дальнейшей жизни. До толстомясой дурехи наконец то дошло, что не всегда можно слепо верить в то, что гласит народная молва, не всё то золото- что блестит, и далеко не у каждого мужчины путь к сердцу лежит через его желудок. Некоторые особо матёрые и продвинутые особи сильной половины человечества, как и подобает истинным альфа- самцам, в нужный момент вполне способны перестроить внутренние силы своего организма и базис моральных принципов таким образом, чтоб путь этот, как изначально и было заложено природой, заканчивался непосредственно в прямой кишке, а уж сердце тут абсолютно не причем.

По сию пору ТоляВаня искренне полагает, что в общем и целом, в этой феерической истории он являлся наиболее потерпевшей стороной, фактически- жертвой обстоятельств, и долго еще в общении с приятелями изобижено изображал из себя пострадавшего, жалуясь на несправедливую Фата- Моргану. Во время последней встречи с однокашниками он вальяжно разглагольствовал, что мол, жизнь одна, молодость прошла, здоровье уже не то, жене он нужен не будет, как

только вырастут дети, поэтому нужно брать все, что идет в руки, не раздумывая. Та последняя встреча состоялась в «Голубой Устрице», а точнее- в недавно открытом Городском Клубе Моряков, по меркам того времени считавшимся весьма респектабельным заведением на фоне тотального дефицита, в том числе и в сфере предоставления ресторанных услуг трудящимся. Но, нужно отметить, что пускали туда лишь по служебным удостоверениям исключительно работников Мореходных Компаний, поэтому кроме одиноких моряков, коротающих время в выдавшихся увольнениях на берег, там в основном-то никого и не было. Понятное дело, это не очень нравилось самим морякам, которые не имели возможности привести с собой своих мимолетных избранниц, чтоб поразить их размахом щедрой морской души после длительных рейсов. Именно поэтому, среди посетителей этого, в общем-то довольно уютного заведения, практически никогда нельзя было заметить представительниц прекрасного пола, ввиду чего оно тут- же стало именоваться «Голубой Устрицей», в подражание одноименному бару для лиц нетрадиционной ориентации из популярной в те времена комедии «Полицейская Академия». Слова Анатолия Ивановича, увы, оказались пророческими для него самого. Жена ушла от него, как только дети закончили учиться и встали на ноги, оба сына категорически отказываются с ним общаться; детские стрессы от постоянных семейных скандалов развили у них к нему стойкую, и не проходящую ненависть. Наняв хо-

рошего адвоката, и воспользовавшись его отсутствием, пока он был в очередном длительном заплыве, супруга отсу-дила у него всю имеющуюся жилплощадь, нажитую за вре-мя совместной жизни, оставив лишь крохотный, необрабо-танный земельный участок, находящийся у черта на куличи-ках, оборудованный полуразрушенной строительной будкой, в которой уютно мог бы жить разве что дворовой Джульбарс. Из Пароходства его в конце концов ушли без особого шума, устав от его непрерывных конфликтов с экипажами и ввиду отвратительного знания английского языка, без которого в нынешние времена Капитану просто нечего делать на фло-те. Сейчас Анатолий Иванович, уже находясь в более, чем преклонном возрасте, страдая множеством разнообразных хронических болячек, за смехотворную зарплату продолжа-ет работать на древнем плавучем металлоломе, в какой-то за-нюханной полукриминальной Компании, с экипажами напо-ловину состоящих из спившихся бомжей и экс-уголовников. Его бывшие подчиненные, над которыми он в свое время столь сладострастно измывался, при встрече обходят его де-сятой дорогой. Но, если все-же общепринятого рукопожатия не удастся избежать, чтоб не выйти за рамки элементарного приличия, то сразу после этого спешат вытереть руки, испы-тывая при этом остро-гадливое чувство сродни тому, когда случайно в темноте ладонью на перилах влезешь в чью-то за-старелую холодную соплю. Те же из них, кто сейчас работает в береговых Административных службах, когда волею слу-

чая пересекаются с ним по служебным делам, то не упускают возможности, чтоб не доставить ему порцию неприятностей по малейшему поводу, благо, школу в свое время прошли отменную, а уж какой знатный был преподаватель! Одним словом, на старости лет оказался он у разбитого корыта, хотя, с другой стороны, что посеешь, то и пожнешь.....

Эпилог. Все вышенаписанное предназначено тем, кто по сей день бредит морской романтикой.

Удачи вам, ребята, от всей души!